

УДК 94(7); 94(57); 325

М.Ф. Ершов

Скрытые образы русского пространства: священный город XIII – начала XVII вв.

Аннотация. В статье анализируются культурные аспекты формирования образов отечественного города и провинции в XIII – в начале XVII вв. В данный период продолжались трансформации городов и смена их состояний. Рождение российской цивилизации вело к постепенному вытеснению маргиналов. Образы богатыря и палача были закономерно вытеснены на периферию. Русский город обрел образ жреца, но не всегда отчетливо фиксируемый. В образах города раскрывается осознание людьми того времени специфики очеловеченного пространства и его исторической эволюции.

Ключевые слова: богатырь, город, грешник, жрец, маргинал, монастырь, образ, палач, провинция, жрец, царь.

M.F. Ershov

Russian area invisible characters: holy city XIII – beginning of XVII centuries

Summary. The article analyzes the cultural aspects of the formation of the native city and province images in the XIII – beginning of XVII centuries. During this period, the transformations of cities and change of their statuses took place. Birth of Russian civilization led to the gradual displacement of marginals. The characters of hero and executioner were naturally displaced to the periphery. Russian nation took the image of a priest, but not always clearly fixed. The images of the city reveal the people's awareness of the time of the humanized space specificity and its historical evolution.

Keywords: hero, city, sinner, priest, marginal, cloister, image, executioner, province, emperor.

Настоящая публикация продолжает тематику наших статей об исторической эволюции очеловеченного пространства и его образов [1, 92-99; 2, 35-14]. В одной из предшествующих работ, опубликованных в «Вестнике угроведения» [3, 96-107], также была выявлена взаимосвязь древнерусского города с образами богатыря и палача. Дальнейшая жизнь в условиях степного нашествия и ордынского ига потребовала формирования нового культурного содержимого, новых образов пространства. Цель данной работы заключается в определении специфики тех основных элементов, из которых состояли эти образы. Важно знать, какими они были, за счет чего происходило их формирование в непростую эпоху XIII – начала XVII вв.

«Перед затмением культуры люди чувствуют себя беспомощными; их ошеломляет безмерность катастрофы, но им не приходит в

голову отыскивать ее естественные причины; они не думают о том, что могли бы воздействовать на эти причины, если бы научились лучше их распознавать. Поскольку это кризис прежде всего социальный, то люди склонны объяснять его социальными и прежде всего моральными причинами» – заявляет Рене Жирар в книге «Козел отпущения» [4, 31-32].

Для Руси такой кризис наступил в XIII в. «В 1204 г. столица Византии Константинополь – «Царьград» был захвачен крестоносцами. На Руси это событие было расценено как «погибель царства», – отмечает А.А. Горский [5, 87]. Падение Константинополя и последующее ордынское иго обособили русские земли от европейской цивилизации. И – покончили с доминированием богатырских и палаческих образов города. Все города, на которые обрушился удар ордынцев, оказались бессильны перед захватчиками, стали их жертвами.

Старые образы города должны были смениться его новыми, измененными образами. Эти новые образы, с одной стороны, обязаны были сохранять преемственность и содействовать ранее начатой эволюции отечественного очеловеченного пространства. С другой стороны – быть адекватным ответом на запросы трагического XIII века и времени, следующего за ним.

В уцелевших или отстроенных после нашествия городах вынужденно менялись ценностные ориентации. Для их жителей теперь оказался значимым поиск мотивов для существования в новых исторических условиях. Как и ранее, у горожан целесообразность существования реализовывалась через осознание их социальной общности в очеловеченном пространстве. Раскрывалось это стремление по-прежнему в персонифицированных художественных образах.

Но старые образы, идущие от князя, дружинника, монаха, перестали работать. Прежние исторические персонажи оказались не просто жертвами. В жестких условиях ордынского господства они вынужденно изменяли себе, поскольку оказались малопригодны для продолжения конструирования культуры города. Это отобразилось в литературных памятниках. Художественные произведения об ордынском иге зафиксировали гибель прежних образов города. Их умирание было воплощено в житиях святых князей, многие из которых приняли мученическую кончину в Орде.

По историческим меркам всплеск таких жертвенных подвигов был недолговечен, он оканчивается где-то началом XIV в. «Знаменательно, – замечает Г.П. Федотов, – как только Русь усваивает греческий идеал святости и переносит его вместе с царским титулом на великих князей московских, так прекращается княжеская святость» [6, 94]. Выдающийся исследователь русского православия отметил, что почитание святых князей не было напрямую связано с их политической или военной деятельностью. Главное здесь, по мнению Г.П. Федотова, не результаты, а намерения, идея национального служения.

В противовес его утверждению допустим следующий вопрос: а относятся ли их действия только к идее национального служения? Сам автор книги «Святые Древней Руси» не вполне последователен. Он считает, что греческой поч-

вой этой идеи, «ее опорой в традиции была идея малой родины, города – polis, которая живет под сенью мировой империи». И далее он конкретизирует идею родины, применительно к Руси: «Это отечество, это русская земля – не государство, которого еще не существовало – вместе с городской областью, малой родиной является в княжеских житиях предметом нежной и религиозной любви» [6, 114-115].

Русские князья, конечно же, служили, но не стране в целом, а своей локальной отчизне (вотчине). Однако они не были ни эмоционально, ни властно привязаны только к одному из городов. В поисках подходящего престола эти князья перемещались из одного княжества в другое. Кроме того, нет особого резона еще раз доказывать различия между возвышенными житийными образами князей и их реально живущими и действующими прототипами. Житийная литература и не отображает их интересов. Она нужна не князьям – горожанам. Для последних было важно использовать последние угасающие возможности княжеских образов в собственных интересах.

А далее? Далее следовало освободиться от прежних образов. Обретение независимости было непростым делом, мысленным разрывом с прежним окружением. Знаменитая «Легенда о граде Китеже» дошла до нас в литературной обработке старообрядцев, восходящей к XVII в. Она также фиксирует произошедшую подвижку в сознании. Согласно ей, идеальный мужественный князь Георгий Всеволодович, а затем его мощи не способны защитить или восстановить мифический Большой Китеж. Город, придя в запустение, становится невидимым, сокровенным до конца времен [7, 79].

Достаточно пассивен и князь Петр, герой «Повести о Петре и Февронии Муромских», произведения, относящегося к XVI в. Да, и здесь герой идеально храбр, он не боится сразиться с крылатым змеем. Князь Петр должен олицетворять мощь города Муром, но фактически оказывается объектом манипулирования со стороны находчивой крестьянской девушки (она заставляет его жениться на себе) и верхов города (под нажимом бояр он на время добровольно уходит в изгнание).

Совместная жизнь Петра и Февронии после возвращения в Муром подчинена агиографическим канонам (они молятся, помогают

неимушим). Однако применительно к динамичной жизни реального города эта жизнь пассивна, без значимых событий. Влияние святой семейной пары на город в целом минимально при жизни и остается таковым после смерти – это чудеса исцеления возле раки с мощами [8, 303-304]. Мифические Петр и Феврония, конечно же, задают наиболее общие нравственные императивы, но при этом не опускаются до городской конкретики.

В повести присутствуют осколки прежних сюжетов о возникновении города. Есть отрицательное чудовище, есть его победитель, близкий к богатырю, есть, наконец, источник конфликта – знатная женщина, связанная с главой города. Но все это именно осколки. Они миниатюрны и не дотягивают до масштабов эпических преданий о борьбе города за свой статус с окружающими территориями, представленными в образе хтонического чудовища.

Так, донельзя мелок, низок в своих поступках змей. Эта гадина, похоже, смирилась с существованием города и боится показаться людям в своем естественном облике. Змей пытается выполнять функции палача, но без особого успеха. В его действиях отсутствует позитив, стремление доминировать. Змей прилетает не для закабаления города или поедания юных дев. Его задача проще и «скромнее». Блуд с женой князя – вот предел его устремлений.

Змей оказывается еще большим маргиналом, чем былинный древнерусский богатырь. Но ведь и противник змея не герой-одиночка, обладающий особыми свойствами. И Петр, и его брат не пришлые люди, они из местных жителей. Им незачем освобождать родной город, их проблемы другие – семейные. Можно считать, что за предшествующий период город (в данном случае Муром) вырос, приобрел постоянных правителей, осознал свои возможности и перестал бояться страха неизвестности.

По нашему мнению, явная приземленность персонажей этой повести связана с тем историческим периодом, от которого она дошла до нас. Данный литературный памятник, родился много позднее эпохи генезиса Московского государства. Он, еще раз повторимся, из XVI столетия. Это было время, когда новая московская государственность уже сложилась. Она, в культурном отношении, уже стала достаточно самостоятельной и мало нуждалась в образах

героических пришельцев для обоснования собственного существования.

«Уже около 1350 года в Северной и Северо-Восточной Руси, куда входило и Великое княжество Московское, становятся заметными симптомы своего рода «умственного разогрева», окрашивающего духовную культуру этих русских земель в непривычные, несвойственные Средневековой оттенки. На авансцене умственной жизни появляется новый персонаж – беспокойный, сомневающийся Разум, склонный самостоятельно судить о том, что до той поры рассматривалось как недоступное, превосходящее его силы и возможности. Это приводит к появлению и укоренению нового, весьма специфического пласта культуры, который можно условно назвать городским рационализмом», – делает вывод А.П. Андреев [9, 117-118].

Несомненно, что в данном утверждении присутствуют схематизм, изрядная доля условности. Разрушение средневекового менталитета не сразу вело к формированию личностного сознания. Умственные усилия этого времени были доступны немногим. Эти интеллектуалы концентрировались на городской территории. Именно они создавали новый самостоятельный, личностный имидж города. Такой город-личность был переходным этапом, посредником во времени между отрицанием личностного начала в раннем средневековье и развитым индивидуализмом каждого в индустриальном обществе.

Но всякая личность, даже такая умозрительная, коллективная как город, всегда функциональна. Она должна найти свое место в социуме и вытеснить тех, кто занимал его ранее. Какие функции у города наличествовали? Он как личность защищал и психологически «закрывал» еще неразвитое индивидуальное сознание от агрессивного внешнего воздействия. Медиативные признаки города также дополнялись его жреческими посредническими функциями. Художественное восприятие, метафоричность мышления средневековых людей вела к оформлению образа города-жреца.

Фактически в это время город перехватил у змея, богатыря и палача их функции. Он, как культурная общность, осознал себя и стал независимым. Такому городу не требовались посредники, он уже присвоил их функции. У города теперь отсутствовало желание пере-

доверять кому бы то ни было свои признаки. И чем выше был статус города, тем приниженнее следовало быть его окружению. Он начал сам, без посредников, стремиться к славе, к чести, к полноценному управлению. Но удавалось это далеко не всегда.

В «Повести о Псковском взятии» (первая половина XVI в.) описывается ликвидация последнего независимого русского княжества. Главный герой «Повести» – сам город Псков. После описания ареста и направления в ссылку трехсот знатнейших семейств автор сокрушенно восклицает: «И тогда отъяца слава псковская!». Далее следует обращение к городу как одушевленному лицу: «О славнейший во градах – великий Псков! Почто бо сетуеши, почто бо плачеша? И отвеща град Псков: «Како ми не сетовати, како ми не плаками! Прилетел на мене многокрылый орел, исполь крыле ногтей, и взя от мене кедра древа ливанова. Попустиша Богу за грехи наша, и землю нашу пусту сотвориша, и град наш разорися (...)» [8, 276-277].

Город и сетует, и плачет от жестоких действий московского государя – многокрылого орла. Его слава прошла. Она убыла в столичную Москву вместе с теми, кто ее добывал для Пскова, со знатью. Победителем знати оказался великий князь Московский. В «Повести» он выступает не только как человек и государь. Одновременно он представлен и в поэтическом образе крылатого геральдического существа. Но прежний миф о чудовище, тиранившем город, здесь вывернут наизнанку.

Да, Псков угнетен, но его покорение Московской отвечает общерусским интересам. Великий князь Московский жесток, но городу, покоренному им, не стоит ждать богатыря-освободителя. Налицо инверсия привычных образов города. Последовательность смыслов здесь простирается в порядке, обратном хронологическому: от города-жертвы до богатырей или знати, которые в этот раз не сумели защитить родной город от почти хтонического чудовища. Постигшие несчастья обнажают один за другим прежние образы города, ранее скрытые под вновь выросшими пластами культуры.

Причина несчастий, однако, кроется не только в силе орла – поэтическом двойнике московского князя Василия Ивановича. В ос-

новном она вызвана грехами жителей Пскова. Если город Псков – славный своей древностью, близкий к идеалу, почти вечный, то его сегодняшние жители, напротив, оказываются смертны, грешны и недостойны этой славы. То есть город осознал себя как некая личность, которая много больше чем сумма индивидуальных черт проживающих на данный момент псковских горожан.

Такое осознание города было не новым. В близких выражениях описывает византийский историк Дука современную ему гибель Константинополя. Его «плач» о падении «Нового Рима» с большой выразительной силой повествует о произошедшем несчастье: «... о город, город, глава всех городов! О город, город, центр четырех стран света! О город, город, гордость христиан и гроза варваров! О город, город, второй рай, выращенный на Западе и включающий в себя всевозможные растения, сгибающиеся под тяжестью плодов духовных! Опустели твои храмы, погибли святыни, мужи и жены, девушки и юноши уведены в рабство...» [10, 251-252].

Но это осознание городской общности по-прежнему осуществлялось не на рациональной основе. Жители той эпохи искали адекватный образ города. Из допущения, что город несводим к горожанам, чем-то превосходит обычное население, выводились его особые трансцендентные личностные качества. Для горожан город был многим: крепостью, садом, столпом, сосредоточием греха или святости. Это множество индивидуальных черт требовалось, каким-либо образом, объединить, осуществить их синтез.

Соотнесение разновеликих величин всегда вызывает психологические затруднения. «Тесен дом души моей, чтобы Тебе войти туда: расширь его. Он обваливается, обнови его» – обращается к Богу в своей «Исповеди» Августин Аврелий [11, 251-252]. Город, как многовековой сложный социальный организм, полностью не вмещался в сознание живущего на его территории человека. Этому мешали многие обстоятельства. Объективная временность жизни отдельного человека, его погруженность в историческую конкретику дополнялись вполне реальными угрозами со стороны города.

Город объективно дисциплинировал население и, при необходимости, а иногда и без

нее, осуществлял репрессивные меры. Но для устойчивого существования городского социума требовалось преодолеть порожденный им же психический дискомфорт. Несовершенное общество нуждалось в оправдании собственных действий. В противовес человеческому несовершенству и как отражение его в общественном сознании формируются новые качества, потребные для городского сообщества. Это близость к завершенности, к идеалу. Это – обладание славой. Это возможность высказать свои проблемы, донести их до Бога, а слово Бога донести до людей.

Со временем данные качества сводились средневековыми интеллектуалами в единое целое. Еще раз заметим, что для читателей их сочинений город предстает как личность. Психологически так было легче. За счет персонализации преодолевалось разнообразие непохожих друг на друга городских качеств. Итак, город обретает свой новый коллективный и одновременно личностный образ. Он, этот образ, затемнен, еще не вполне очерчен перед взором наблюдателя. Но основа уже заложена.

Теперь город – автономная, сакральная, жреческая личность. Она, эта личность, противостоит миру обыденности. Она близка к божественному миру и вечности. Город выше просто человека. Длительность его существования несоизмеримо больше короткой жизни отдельного индивида. Город почти вечен. Он – культурный герой. В числе его атрибутов слава и даже (для столиц) царственное величие.

Его свойства многогранны, противоречивы. Достоинства города идут от божественного мира, а недостатки могут быть порождены грехами людей. Для людей той эпохи, как и для наших современников, свойства и образы города дополняют друг друга. Личностные качества города органично перетекают в функции жреца, посредника и иных действенных персонажей, необходимых для жизни населения. Профессионализация городских образов была связана с ролью конкретного города в системе политических отношений.

Очеловеченный образ города отнюдь не противостоял материальной, вещной инфраструктуре. Он выводился из нее, служил ее дополнением. Поэтому город являлся одновременно личностью и не личностью. При наличии субъективных личностных свойств город был, параллельно с ними, и объектом,

своеобразным резервуаром, где смешивались жители, здания, улицы. Эта пространственная консистенция разнородных элементов со временем приобретала идеальные трансцендентные свойства.

Для горожан требовалось одухотворить свое существование в искусственно созданной среде, отчужденной от естественного гармоничного мира. Первоначально с этими обязанностями справлялись внешние патроны. Но, по мере роста самосознания города, он жаждал эмансипации. Ему требовалось изыскать внутренние потенции, обрести собственную, а не заимствованную извне духовность. Необходимость в одухотворенной жизни вела к одушевлению города.

Риторические вопросы средневековых интеллектуалов, обращенные к городу, далеко не случайны. Это не только литературный прием, это отображение определенных умонастроений, господствующих в обществе. Невозможно общение, диалог с тем объектом, у которого по твоим представлениям (осознанным или неосознанным) нет души. Ее отсутствие означает господство мертвого вещного начала. Город, напротив, – живой. И как единое целое, как личность он способен слушать, страдать, грешить и каяться. У него есть судьба и характер.

У такого зрелого города возрастало самоуважение. У него исчезала потребность в опеке. Город вырос и стремился стать самостоятельным. Теперь богатыри, князья и монахи были востребованы им в меньшей мере, чем прежде. Они перестали полноценно выполнять свои функции. В них исчезла нужда. Переориентация города, дополненная нашествием извне, для этих носителей культуры обернулась всеобъемлющим кризисом. Возросшая мощь города выталкивала их на периферию цивилизованного пространства.

Отсюда, видимо, проистекает феномен противостояния двух русских православных святых Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Это противостояние не сводимо только к проблеме монастырского землевладения. Если город не нуждался в близком монастыре, то у монахов выбор подвижничества ограничивался немногими вариантами. Либо порвать с миром и перейти к отшельничеству (путь заволжских старцев). Либо развивать монастырское хозяйство и участвовать в земных редиистрибутивных отношениях (путь иосифлян).

В первом случае монастырь утрачивал социальные контакты с подопечным городом. При альтернативе монастырь сливался с городом либо вырастал до него и, таким образом, терял свои отличительные черты. Весьма характерна оценка Г.П. Федотовым последователей Волоцкого: «Иосифлянство торжествует полную победу в Русской Церкви. Но оно явно оказывается неблагоприятным для развития духовной жизни. Среди учеников Иосифа мы видим много иерархов, но ни одного святого» [6, 250].

В любом из двух вариантов у монастыря исчезала роль образца для подражания. Город как социальный организм не мог выбрать отшельничество в качестве идеала. Но и для успешного вотчинного хозяйствования или занятий предпринимательством отнюдь не требовалось наличия идеального сакрального монастыря. Лишение внешнего идеала не было обязательно негативным для города. Оно возвышало город, делало его самостоятельным и, одновременно, приземляло, сводило с небес на землю.

Расщепление монастырских перспектив, кризис монастырской духовности сами по себе были положительными явлениями. Этот кризис не упадка, напротив, роста очеловеченного пространства. Отшельники, основывающие скиты, были первопроходцами в насаждении новой, уже не крестьянской культуры на еще не освоенных местах. Скит вырастал в монастырь, который тяготел к приобретению городских свойств. Подвиг зачинателей монастырской колонизации был отмечен современниками, отобразился он и в иконописи.

«Видение прославленной Руси – вот в чем заключается резкая грань между двумя эпохами русской иконописи. Грань эта проведена духовным подвигом св. Сергия и ратным подвигом Дмитрия Донского. Раньше русский народ знал Россию преимущественно как место страдания и унижения. Святой Сергий впервые показал ее в ореоле божественной славы, а иконопись дала яркое изображение явленного им откровения. Она нашла его не только в храмах, не только в одухотворенных человеческих ликах, но и в самой русской природе», – замечает Е. Трубецкой, анализируя иконопись XIV-XV вв. [12, 229].

Эта осваиваемая территория еще не есть полноценная провинция, но уже приближение

к ней. Территория отдается, покоряется центральной власти, не только политически (этого добиться легче всего), но и культурно. Монашество, гарнизоны пограничных крепостей, знать из числа покоренных народов, ушкуйники, казаки, купечество – вот те социальные слои, которые качественно преобразовывали отечественную периферию.

Мы видим, что осознание городом себя, своей цельности, было много шире собственно городской территории. Данный процесс затронул те районы и тех людей, которые тяготели к городской культуре. В итоге усиливается дифференциация пространства. Потенциальные провинциалы, связанные с городом, все более противостоят патриархальной деревне. В разных частях страны расставание с прежними образами проходило неодинаково.

Так, на Северо-западе оно оказалось тесно связано с деятельностью стригольников. Как показал Б.А. Рыбаков, ее истоками являлись рост человеческого достоинства, критическое отношение к авторитетам, в частности, к малограмотному и жадному духовенству, переросшие в стремление исключить недобросовестных пастырей от исповедального обряда. Заметим, что все эти признаки не случайны. Они характерны именно для одного из этапов развитой городской культуры.

«Умонастроение русских горожан, порожденное многими длительными историческими испытаниями и названное на одном из исторических этапов эволюции «стригольничеством», надо начинать рассматривать никак не позже чем с той эпохи, когда кончилось существование «украсно украшенной» Руси и началось тягостное противостояние далекому врагу, изменившему весь уклад нашей жизни, затормозившему развитие, оторвавшему Русь надолго почти от всего тогдашнего мира», – считает Б.А. Рыбаков [13, 250].

В этот и последующие периоды усиливается профанация первоначальных, уже устаревших образов города. Они мельчают, их существование сводится к естественным причинам. Так, например, цикл художественных произведений о легендарном основании Москвы достаточно прост и полностью лишен эпических черт. В близких по содержанию «Повести о начале царствующего града Москвы» и «Сказании об убиении Даниила Суздальского» (вторая половина XVII в.) главный мифический

персонаж, князь Даниил, конечно же, жертва убийц. Но он вовсе не обладает возвышенной жертвенностью своих «сродственников» Бориса и Глеба (в произведениях есть прямые отсылки на их подвиг) [14, 152].

Он – слабак, неспособный справиться с убийцами – двумя слугами, любовниками его развратной жены. Он обманут перевозчиком, он прячется от погони в «струпе» вместе с покойником, где и погибает. Ему, в отличие от древнерусских святых Бориса и Глеба, нечего сказать убийцам. Его смерть бесцельна. Не случайно замечание одного из отечественных исследователей, что данный сюжет «напоминает западноевропейские средневековые новеллы любовно-авантюрного содержания» [14, 16].

Смерть его отчасти близка к образу жертвы, необходимой для последующей «громкой» истории города. Но между мифическим Ремом, жертвой Ромула, и мифическим же князем Даниилом, убитым Кучковичами, мало общего. В отечественном произведении нет никаких чудес. Убитый князь малозначим, труслив, его образ служит лишь неким бледным фоном, зачином для создания нового образа – «царственного града» – Москвы.

В данных произведениях присутствует недоговоренность, некая литературная антитеза. Кажется, что она удивляет и самих безвестных авторов. «Сказание об убиении Даниила Суздальского» начинается с почти недоуменного вопроса: «И почему было Москве царством быть, и кто то знал, что Москве государством слыть?» [15, 156]. Начало истории великого города здесь связано не с деяниями героев, а с жизнью обычных людей, погруженных в грехи и повседневность. Но, благодаря этому обстоятельству, для еще не рожденного города закладываются хорошие стартовые возможности, без сдерживающих его развитие внешних авторитетов.

По законам жанра, чем менее значимы первоначальные персонажи или место действия, тем выгоднее можно подать основного героя в финале повествования. Что и происходит с главным героем – Москвой. Дело не в том, что данные произведения созданы много позднее реального основания Москвы и подгоняются своими авторами под конечный, состоявшийся результат. Важнее другое. Теперь в мифах о зарождении столичного города доминируют приземленные, вовсе не героические образы.

Обновленная Москва не слишком нуждалась во внешнем толчке для обоснования столичных претензий. У нее появились иные возможности для реализации собственного величия. Уже в «Стоглаве», зафиксировавшем решения церковного Собора 1551 г., постоянный эпитет для Москвы – «царствующий град» [16, 37-39, 75, 192]. Обратим внимание на мужской род. Это жесткая, почти гендерная посылка предиката: не она, Москва, а он, город. За Москвой закрепляется не пассивное прилагательное – «царственная», а доминантный атрибут «царствующий».

С чем это было связано? Согласно христианским канонам божественная благодать (Дух Святой) мистическим образом передается от Искупителя к апостолам, епископам, священникам. Апостолы и их последователи, которых рукоположили (все они мужчины), распространяют христианскую веру среди населения. Движение благодати в пространстве дополняется и фиксируется статикой храмов. Храм является домом Божиим. Он имеет сакральное, иерархичное устройство: алтарь, средняя часть, притвор. Через священные предметы из алтаря, благодаря обрядам духовенства, совершается таинство причащения. Божественная благодать сходит на верующих.

Исследователи неоднократно акцентировали внимание на схожести города и храма, на переносе значимых элементов от одного города к другому. Подлинный город, населенный искренне верующими людьми, является сосредоточением единой божественной святости. Иерусалим, Рим, Новый Рим (Константинополь), а затем и Москва («Москва – Третий Рим») поочередно становятся центрами православия. Соответственно, в православии глава христианского города, а затем и государства, уподобляется священнику в храме и фактически становится сакральной фигурой.

Его положение двойственно. Будучи светским лицом, царь, в то же время, венчается на царство, приобретает свойства высшего церковного иерарха. Его статус, так же как и благодать, таким образом, передается от одного агента к другому и зависит от заслуг предков, от их родовитости. Но царская одухотворенная деятельность в основном осуществляется вне храма, в управленческом центре – в городе. Однако между городом и храмом существует ряд знаковых различий.

Любой храм стабилен, статичен, он тяготеет к своему идеалу – Небесному Граду. Земной город, напротив, динамичен, он не ограничивается зданиями. В городе всегда есть люди. Любой город – это город людей. Он воплощает в себе результаты их деятельности, он отображает их свойства. Отображение (процесс создания образов) связано с изменяемой исторической конкретикой. Поэтому город меняет состав населения, застройку, территорию, культуру. Он располагается в истории, во времени.

В силу этого любой город вынужденно трансформирует себя и свои ценностные ориентации. Он равно может быть и свят, и греховен. Как и царь, город оказывается в двойственном положении. Он вещественен (вечен) и человечен (конечен) одновременно. Вечность в городе связана с наличием храма. Город немислим без храма. За счет максимальной концентрации значимых храмов и деятельных аристократичных индивидов он покоряет территории, другие города, становится государством, столицей и – царствует. До каких пор?

Пока правитель в общественном сознании будет восприниматься как земной образ Царя Небесного, как «Божий постельничий», как священнослужитель (тогда место его постоянного пребывания – столица – также станет аналогом и храма, и жреца). Пока столичный город как сакральная личность, будет способен сосредотачивать в себе божественную благодать. При утрате этой способности он перестает быть столицей. У него исчезает личностное начало, остается только сакральное ядро – храм.

Из храма и прихода со временем может вырасти новый город. В конечном итоге созвездие храмов, созданных благодаря усилиям аристократии, вытесняет грех с городской территории. Поселение вновь, в очередной раз, способно превратиться в город-храм или столицу. Совокупность институтов царя, жречества и праведников одушевляет столицу. Она, приобретая личностные качества, становится не только городом-жрецом, но и городом-царем.

То, что образ города перестает быть исключительно жреческим, перерастает границы храма, свидетельствует символика Опричного дворца Ивана Грозного. Дворец находился в Москве и представлял в плане четырехугольник с равными сторонами, похожий на мона-

стырь. Он имел необходимые для жизни царя и его окружения хозяйственные постройки. Самодостаточность этого царского дворца-города была относительной. За его пределами, но вблизи, для удовлетворения культовых потребностей царя находилась церковь.

По мнению А.Л. Юрганова, действия царя по строительству дворца и примыкающего к нему храма обуславливались эсхатологическими ожиданиями [17, 308-315]. И город, и церковь равным образом были построены в ожидании Страшного Суда. Но даже в эти последние времена царь осознавал свое отчуждение – не от Бога! – от церковного здания. Оно перестало вмещать в себя не только население, но и социальные проблемы, с ним связанные. Такая дифференциация сакрального пространства далеко не случайна.

В частности, в христианских храмах нельзя было осуществлять светское правосудие (или репрессии) – казнить и миловать. Храм – однороден, монотеистичен. Город – личностен и разносторонен. Он жрец и царь. Жрец всегда мужчина. Поэтому Москва – царствующий град. И, напротив, в «Казанской истории» неоднократно акцентируется внимание на принадлежности Казани к женскому роду. В этом литературном памятнике Казань также выступает в качестве одного из персонажей повествования. Согласно сюжету она некогда основана царем Саином на месте разоренного гнезда змей.

Змеи олицетворяют прошлое – вспомним уничтоженную крылатую рептилию из «Повести о Петре и Февронии». Змея как символ прошлого, греха, порока, конечно же, связана с женским началом. В «Казанской истории», посвященной походу Ивана IV, легендарный Саин, преемник Батгя, разоряет змеиное гнездо на месте будущего города XVI в. Но основатель Казани – нехристианин. Он не может полностью избавиться от греха, здесь сконцентрированного. Саин метафорически обретает змеиные черты, становится царем-змеем. [7, 158-159]. И его город возвращается в свое мифическое женское прошлое.

Затем образ поволжского города отчасти приобретает мужские, царственные черты, за счет доблести его жителей. Долгое время с переменным успехом Казань борется либо с русскими, либо с собственным грехом. Покончить с суверенитетом Казани смог главный герой

«Казанской истории» маскулинный и православный Иван Грозный. Казанцы, в том числе и вооруженные женщины, оказались не в силах противостоять мужскому «правильному» русскому войску.

Характерен ритуальный плач плененной Сумбеки. Эта татарская царица сравнивает осиротевшую после ее отъезда Казань, с бедной женщиной, вдовой [7, 223]. Потеряв мужские сакральные качества, женственный город нуждается в опеке. Ему остро не хватает мужских жреческих функций. Однако, после строительства христианских церквей, следует положительное преобразование Казани. Одна из заключительных глав «Казанской истории» посвящена похвале этому городу. Теперь Казань – новорожденный, «мужской» город. Автор обращается к нему с призывом не унывать и радоваться [18, 297-299].

То, что мужской род города – символ его жреческой силы подтверждается «Новой повестью о пресветлом Российском царстве». В этом выдающемся публицистическом патристическом произведении, созданном во времена Смуты, звучит страстный призыв к защите родины и православия, к вооруженной борьбе против польских оккупантов. В «Новой повести» присутствуют и образы двух городов. Наблюдается противопоставление «великого нашего града» Смоленска и Москвы.

Смоленск, если пользоваться терминологией Ю.М. Лотмана, отличается эксцентрическим расположением [19, 276-277]. Он находится возле границы государства. Москва, напротив, лежит в отдалении от границ. Она отличается концентрическим размещением. Соответственно должны различаться и их жреческие функции. Смоленск находится в оппозиции к внешнему окружению. Смоленск – город без изъяна, защитник. Он сильный, мужественный, он спасает Российское царство и православие.

Образ столицы, напротив, неоднозначен, двойственен. Москва – центральна, в первую очередь она столица, посредник между небом и землей. Она, и это упоминается неоднократно, – царствующий град, который подобно Смоленску, противостоит захватчикам. Но столица же, одновременно, – «мати градовом в Российском государстве всеми стенами и многими главами и душами врагом и губителем покорилася, и предалася, и в волю их далася».

Слабость порождена не Москвой, как таковой. Столица не осуждается, она, как жрец и посредник, выше критики.

Главная причина пленения Москвы скрыта в людях, которые «от Бога отпали» (утратили потребность в столичных святынях), в человеческих пороках [14, 30]. Участь Москвы здесь женственна, она похожа на судьбу Пскова и, отчасти, Казани. Но Псков полностью покорен царю, а Москва только временная пленница поляков. Основное отличие здесь заключается в принципиальной способности православных отстоять и свою столицу, и свое государство.

Благополучие города, его порядки не могли основываться исключительно на природных законах, связанных с божественным космосом. Город – искусственное создание. Но правопорядок здесь базируется не только на законах, он не сводим к «голому» насилию. Объективно успешный город нуждается в ином, духовном, не юридическом обосновании. Поэтому рано или поздно он обретал жреческие свойства. Это был растянутый во времени и пространстве процесс.

Так, создание отдаленных от города монастырей целесообразно только в случае определенных гарантий. Духовные отцы, уходя в пустыню, должны были иметь твердую уверенность, что покинутые ими города достаточно сильны нравственно. Они должны были суметь самостоятельно, без близкого присутствия внешних земных чудесных покровителей избегать соблазнов. Нет сомнения, что у христианских подвижников в это время присутствовала вера в городское население, в город в целом, в его сакральные свойства. В противном случае подвижничество приносило бы не столько религиозную пользу, сколько вред.

Итак, город многогранен. Он, одновременно, – общность, личность, камень, стена, модель и даже икона. Его жреческие и царские функции связаны с присвоением им божественной благодати. Но они не вечны. Их достаточно легко утратить. Иногда – на время. Иногда – навсегда. Как уже указывалось ранее, города имеют личностные свойства и персональную судьбу. Их образы также индивидуальны. Но у них, у городов и у их образов, есть еще единая и исторически конечная судьба.

Неявный, завуалированный образ русского города-святого, города-жреца исчерпал свои

возможности в царствование Ивана Грозного. Опричные репрессии в первую очередь ударили по управленческим центрам – городам. Деградация морали вела к кризису сакральных основ. Городские святыни, храмы и города в целом, города как личности, не смогли защитить свое население ни от гнева грозного царя, ни от иноземных оккупантов. Город-жрец сгорел в пламени Смутного времени в начале XVII столетия.

Этот образ до конца выполнил свою культурную миссию, и был должен уйти в прошлое. «Свято место пусто не бывает» – гласит народная пословица. Добавим: но оно может перестать быть святым. Сакральные свойства очеловеченного пространства могут вырождаться, утрачиваться, при сохранении его прежних функций в ином облики. Уже на завершающем этапе Смуты русский город продемонстрировал свой новый, причем вовсе не сакральный облик. Его появление связано с подвигом Козьмы Минина.

Героическая фигура этого нижегородца, «гражданина», провинциала лишена сакральных свойств. Да, он патриот и спаситель, но отнюдь не богатырь, не князь, не царь, не страдалец и не святой. Он прагматичен по своим прежним делам и по способам управления в кризисный период. Призыв Минина заложить жен и детей в символическом плане далек от жертвенности. Это, скорее, практика предпринимательства, торгового капитала, вечно занятого поиском оборотных средств.

Козьма Минин своим поступком символизирует грядущее перетекание личностных свойств от единого, пока еще не разделенного города. Это движение осуществляется не к сакральному персонажу «вверх» (князь или

святой всегда возвышен, в иерархии он доминирует над городом), а «вниз», к рядовому, приземленному, но изначально активному горожанину. Город, в данном случае Нижний Новгород, осознавая себя как коллективную личность, передает свои качества не анонимному обществу или толпе, а непосредственно своим активным жителям.

Теоретическое обоснование данной трансформации можно найти в книге Е.Н. Заборовой «Город на грани веков». Она отмечает, применительно к современному городу: «Городское социальное пространство своеобразным образом пульсирует: от концентрации многих социальных функций в одном пространстве (учреждении) через их отпочкование в независимые, самостоятельные структуры (множество учреждений) к новой концентрации, объединению в себе различных социальных функций» [18, 31].

В ходе исторической эволюции город и окружающее его пространство преобразуют свои структуры, людей и образы. По мере их взросления, зрелости наступает эпоха эмансипации городов и индивидов. Теперь каждый горожанин должен жить и принимать решения уже самостоятельно.

Так, в XIII-XV вв., во время ордынского ига, город в своих образах еще был связан с историческим прошлым. Но для последующего XVI в. уже характерен его разрыв с предшествующим временем. Затем, утрачивая свои сакральные свойства, расплывая их среди деятельных индивидов, очеловеченное пространство в очередной раз, теперь после Смутного времени, вынуждено было снова менять свои образы. Но анализ этих процессов не входит в структуру настоящей статьи.

Литература

1. Андреев А.П. Раннее Московское Просвещение // Историческая психология и социология истории. 2012. № 1. С. 111-128.
2. Блаженный Августин. Исповедь. М., 2006. 320 с.
3. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2003. 214 с.
4. Ершов М.Ф. Культурные аспекты генезиса города // Вестник Югорского государственного университета. Ханты-Мансийск, 2012. № 1 (24). С. 92-99.
5. Ершов М.Ф. Рождение образов города: социокультурные аспекты // Методологические аспекты современного историописания и исторической локалистики. Курган, 2011. С. 25-38.
6. Ершов М.Ф. Скрытые образы русского пространства: путь от богатыря до жреца // Вестник угроведения=Vestnik Ugrovedenia. № 4 (11). Ханты-Мансийск, 2012. С. 96-107.

7. Жирар Р. Козел отпущения. СПб., 2010. 336 с.
8. Заборова Е.Н. Город на грани веков. Екатеринбург, 2007. 272 с.
9. За землю Русскую. Воинские повести Древней Руси. Челябинск, 1991. 545 с.
10. Литература Древней Руси: Хрестоматия. М., 1990. 544 с.
11. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. 464 с.
12. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. 616 с.
13. Русское историческое повествование XVI – XVII веков: Сборник. М., 1984. 352 с.
14. Рыбаков Б.А. Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия). М., 1993. С. 211-235.
15. Стоглавь. Собор бывший в Москве при Великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). СПб., 2002. 273 с.
16. Трубецкой Е. Иконы России. М., 2008. 288 с.
17. Удальцова З.В. Византийская культура. М., 1988. 288 с.
18. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. Ростов н /Д. 1999. 384 с.
19. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. СПб., 2009. 368 с.

References

1. Andreev A.P. Rannee Moskovskoe Prosveshhenie // Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii. 2012. № 1. S. 111-128.
2. Blazhennyj Avgustin. Ispoved'. M., 2006. 320 s.
3. Gorskij A.A. Moskva i Orda. M., 2003. 214 s.
4. Ershov M.F. Kul'turnye aspekty genezisa goroda // Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta. Hanty-Mansijsk, 2012. № 1 (24). S. 92-99.
5. Ershov M.F. Rozhdenie obrazov goroda: sociokul'turnye aspekty // Metodologicheskie aspekty sovremennogo istoriopisanija i istoricheskoi lokalistiki. Kurgan, 2011. S. 25-38.
6. Ershov M.F. Skrytye obrazy russkogo prostranstva: put' ot bogatyrja do zhreca // Vestnik ugrovedenija = Vestnik Ugrovedenija. № 4 (11). Hanty-Mansijsk, 2012. S. 96-107.
7. Zhirar R. Kozel otpushhenija. SPb., 2010. 336 s.
8. Zaborova E.N. Gorod na grani vekov. Ekaterinburg, 2007. 272 s.
9. Za zemlju Russkiju. Voinskie povesti Drevnej Rusi. Cheljabinsk, 1991. 545 s.
10. Literatura Drevnej Rusi: Hrestomatija. M., 1990. 544 s.
11. Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhiih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. M., 1996. 464 s.
12. Pamjatniki literatury Drevnej Rusi: Konec XVI – nachalo XVII vekov. M., 1987. 616 s.
13. Russkoe istoricheskoe povestvovanie XVI – XVII vekov: Sbornik. M., 1984. 352 s.
14. Rybakov B.A. Strigol'niki (Russkie gumanisty XIV stoletija). M., 1993. S. 211-235.
15. Stoglav#. Sobor byvshij v Moskve pri Velikom gosudare care i velikom knjaze Ivane Vasil'eviche (v leto 7059). SPb., 2002. 273 s.
16. Trubeckoj E. Ikony Rossii. M., 2008. 288 s.
17. Udal'cova Z.V. Vizantijskaja kul'tura. M., 1988. 288 s.
18. Fedotov G.P. Svjatye Drevnej Rusi. Rostov n /D. 1999. 384 s.
19. Jurganov A.L. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury. SPb., 2009. 368 s.